

Вернувшись, Не Чао первым же делом связался с начальником управления, рассчитывая одним звонком закрыть вопрос с супругами Ли. Однако в этот раз его ждал отказ.

— Прости, Сяо Не, но тут я бессилен, — раздался в трубке сочувствующий, но твёрдый голос. — Делом занимается дисциплинарная комиссия. Нас привлекли только для содействия в задержании. Вмешиваться в их работу — выше моих полномочий.

Молодой человек нахмурился. Ситуация явно заходила в тупик, а ведь он пообещал Сяо Цзе всё уладить. Ударить в грязь лицом и прослыть в глазах любимого бесполезным слабаком он не мог.

— Вы знаете, кто назначен ответственным? — спросил он.

— Чжэн Юн. Старый ворчун, — вздохнул начальник. — Тот ещё сухарь: педант до мозга костей, никаких личных связей не признаёт. За столько лет к нему и с деньгами, и с просьбами подкатывали — всё без толку. Сомневаюсь, что он станет тебя слушать.

Услышав имя Чжэн Юна, Не Чао едва не выронил телефон. Этот человек действительно был невыносим, к тому же обожал читать нотации всем вокруг. Он был старым знакомым его отца, и в те времена, когда парень ещё жил в родительском доме, старик Чжэн не раз отчитывал его за легкомыслие. С тех пор у него развилась настоящая фобия — он старался обходить этого праведника за версту.

Поблагодарив начальника, Не Чао погрузился в тягостные раздумья. Иметь дело со «святым Чжэном» ему не хотелось совершенно. В конце концов, решив не рисковать, он воспользовался связями отца и нанял «золотого» адвоката, надеясь, что тот найдёт лазейку.

\*\*\*

Тем временем на крыше виллы на озере Лу завершилось строительство стеклянной оранжереи. Вэй Цзыхан лично проверил каждый уголок — работа была выполнена безупречно, а внимание строителей к деталям превзошло все его ожидания. Оставшись довольным, он подписал акт приёмки.

Его коллекция пока была невелика, но каждый экземпляр стоил целого состояния. Помимо редчайшей орхидеи Небесной феи, у него теперь подрастали саженцы орхидеи Таньхуа, полученные методом черенкования, и драгоценная семицветная фиалка из института. Всего три вида, но все — истинные шедевры природы!

И если орхидеи размножались крайне неохотно, то с фиалкой всё было иначе. Юноша знал: при поддержке его способности элемента Дерева массовое выращивание этого растения не

составит труда. Ему очень понравились её нежные лепестки, каждый из которых переливался своим неповторимым оттенком.

В планах Вэй Цзыхана было засадить семицветными фиалками обе стороны дорожки, ведущей от ворот к дому. Но эти мечты пришлось отложить — пришло известие, что супруги Ли задержаны, и сотрудники дисциплинарного отдела вызвали его после обеда для дачи показаний.

Юноша как раз собирался перекусить перед выходом, когда зазвонил телефон. На экране высветился незнакомый номер. Бросив гаджет на стол и включив громкую связь, он принялся за обед.

— Вэй Цзыхан, это Вэй Цзюньцзе, — раздался из динамика знакомый голос.

Слушатель на мгновение замер, пытаясь сообразить, как тот до него дозвонился, но тут же вспомнил, что заблокировал только основные номера членов семьи Вэй.

— Что тебе нужно? — спросил он, прихлёбывая молоко. — Не думаю, что нам есть о чём говорить.

— погоди, не клади трубку! — в голосе собеседника послышалась паника. — Я слышал, ты идёшь давать показания. Мне нужно кое-что с тобой обсудить.

— Нам нечего обсуждать, — отрезал Цзыхан, теряя терпение. — Или ты забыл, что устроил мне, когда я только вернулся в семью Вэй? Корчил из себя святошу, а сам за спиной строил козни.

Не дожидаясь ответа, он сбросил вызов и отправил номер в чёрный список.

В душе юноши вскипело негодование за прежнего владельца этого тела. Вэй Цзюньцзе был классическим коварным «белым лотосом» — интриганом, прячущим гнилое нутро за маской невинности.

В романе описывалось, как Цзюньцзе, якобы мучимый совестью за грехи своей биологической матери, решил устроить для брата торжественный приём. Он велел поварам приготовить самые изысканные деликатесы: суп из акульих плавников, улиток по-французски, фуа-гра, стейки... Стол ломился от роскоши.

Цзыхан, вспоминая, как слушал об этом моменте от своего маленького помощника, едва не задохнулся от возмущения.

«Ребёнка из глухой деревни, который в жизни не видел ничего сложнее миски риса, бросили в водоворот высокого этикета! — юноша сердито сжал кулаки. — Цзюньцзе прекрасно понимал,

что тот не знает, как подступиться к этим блюдам. Это была не забота, а изощрённое унижение!»

Так и вышло. Лишённый элементарных манер, прежний владелец тела не умел пользоваться ножами и вилками, издавая ими скрежещущие звуки, а то, как он прихлёбывал деликатесы, вызывало у присутствующих лишь брезгливое отвращение.

Когда лица членов семьи потемнели от недовольства, Цзюньцзе — эта «добрая душа» — принялся демонстративно обучать его правилам поведения. Это лишь сильнее вогнало бедного парня в депрессию и заставило почувствовать себя никчёмным изгоем, неспособным вписаться в высшее общество.

Тот первый ужин оставил неизгладимое чёрное пятно на репутации Цзыхана в глазах родственников, в то время как Вэй Цзюньцзе в очередной раз подтвердил свой статус идеального и чуткого сына.

«Если это не почерк коварного «белого лотоса», то что тогда?!»

<http://bllate.org/book/15859/1442925>